
РЕЦЕНЗИЯ

А. А. СКВОРЦОВ

РАТНОЕ ДЕЛО ФИЛОСОФИИ

Коробов-Латынцев А. Ю. Философ и война. О русской военной философии. М. : Русская философия, 2020*

Статья представляет собой рецензию на книгу А. Ю. Коробова-Латынцева «Философ и война. О русской военной философии». Автор исследования поставил цель проследить путь на войне русских философов и показать, как участие в боевых действиях или наблюдение за ними повлияли на их мировоззренческие взгляды. В книге акцентируется внимание на эволюции взглядов русских философов на войну, показано, как под воздействием вооруженного насилия они приходили к выводам о необходимости нравственного оправдания участия человека в войне ради защиты Родины. Автор подводит читателя к выводу, что для русских философов, живших и творивших во времена серьезных потрясений, размышление и борьба часто являлись двумя сторонами единой жизни, а размышление о судьбе России одновременно становилось интеллектуальной борьбой за право независимого существования русской культуры. Большим достоинством монографии является ее полемический стиль, с помощью которого автор призывает современных российских интеллектуалов пересмотреть нейтральное отношение к отечественной военной философии.

Ключевые слова: философия, русская философия, этика, война, философия войны, милитаризм, пацифизм, А. Ю. Коробов-Латынцев.

The paper is a review of Andrey Korobov-Latyntsev's book "Philosopher and War. On Russian military philosophy". The author sets the goal of tracing the path of Russian philosophers during the war times and showing how participation in hostilities, or observation of them, influenced their worldviews. The book focuses on the evolution of the Russian philosophers' views on war, shows

* Публикация выполнена при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

how under the influence of armed violence they came to the conclusion about the need for a moral justification for a person's participation in war in order to defend the motherland. The author leads the reader to the conclusion that for the Russian philosophers who lived and worked during the times of dramatic upheavals, the reflection and struggle were often two sides of their life, and thinking about the fate of Russia simultaneously became an intellectual struggle for the right of independent existence of Russian culture. The great merit of the book is its polemical style, with the help of which the author calls on contemporary Russian intellectuals to reconsider their neutral attitude to Russian military philosophy.

Keywords: *philosophy, Russian philosophy, ethics, war, philosophy of war, militarism, pacifism, Andrey Korobov-Latyntsev.*

Философ и война – это с первого взгляда не совсем обычное сочетание. Философ часто представляется кабинетным мудрецом, чье призвание – высокая теория, а война – дело практиков, далеких от отвлеченных размышлений. Если начать рефлексировать на войне, то не сможешь действовать, а если, будучи философом, уйдешь в бой, то потеряешь время для размышлений. Но это именно с первого взгляда. Некоторые философы не только участвовали в войне – от Сократа и Ксенофонта через Декарта и Ницше к Витгенштейну, Гартману, Сартру и Юнгеру (пусть даже он воевал на враждебной всему человечеству стороне), но и война оказала на их философское мировоззрение огромное влияние. Смог бы Сократ так ярко рассуждать о мужестве, если бы сам трижды с оружием в руках не защищал родные Афины? Если бы Платон не рос во время Пелопоннесской войны, возвысил бы он так сословие воинов в идеальном государстве? Ф. Ницше, по воспоминаниям современников [Ницше 2005: 13], идея воли к власти пришла во время Франко-германской войны, когда он наблюдал, как немецкие войска выдвигаются на позиции. В «Дневнике странной войны» Ж.-П. Сартра мы видим, как из разрозненных наблюдений над бытом армейского тыла выкристаллизовываются основные положения «Бытия и ничто» [Сартр 2002].

О русской философии – отдельный разговор. Наша страна воевала так часто, что фронтовые батальоны никак не могли не затронуть судьбы русских философов. Но, в отличие от западной философии,

где война влияла на мировоззрение каждого философа по-своему, в России она, несомненно, оказала влияние на всю нашу национальную философию. Далекое не все русские философы принимали участие в самих боевых действиях, но не было ни одного крупного философа, кто бы не жил во время войны, не размышлял о ней и не осмыслял судьбу России и мира в связи с ней. А если так, то вся русская философия и даже шире, вся русская культура, – это в том числе и философия войны. Войны за историческое существование, за независимое мировоззрение, за право идти собственным путем, но, с другой стороны, за лучшие достижения мировой культуры, иные из которых также приходилось добывать и осваивать с боем.

Книга А. Ю. Коробова-Латынцева, по признанию самого автора, является идейным продолжением книги З. Прилепина «Взвод» [Прилепин 2017], где писатель напоминает нам простую истину: абсолютное большинство крупных русских литераторов носили военный мундир, а многие из них участвовали в сражениях. Об этом мы вроде бы и знаем, но представим себе, если бы Г. Р. Державин, Д. В. Давыдов, М. Ю. Лермонтов и даже А. С. Пушкин (а ведь он участвовал в сражении!) собрались вместе и поделились военным опытом. Книга З. Прилепина во многом так и написана: как диалог русских гениев по поводу войны и воюющей России. Но вот боевой путь российских философов-фронтовиков изучен не так подробно, и тем более малоизвестными остаются их взгляды на войну. Этот пробел во многом восполнен в книге «Философ и война...».

Повествование проходит через четыре войны: Отечественную 1812 г. (П. Я. Чаадаев), Крымскую (И. С. Аксаков, Ю. Ф. Самарин, К. Н. Леонтьев), Первую мировую (многие философы Серебряного века) и Великую Отечественную (Э. В. Ильенков, А. В. Гулыга, А. А. Зиновьев). Обсуждаются также другие войны, случившиеся в XIX–XX вв., особенно Гражданская. Биографии и образ мысли философов раскрываются таким образом, будто они сами рассказывают нам о своем переживании войны. Главная мысль книги, пожалуй, заключается в том, что для каждого русского философа его участие в войне (непосредственное или в качестве наблюдателя) стало бесценным духовным опытом, значительно повлиявшим

на его поиски. И дело здесь не только в политических или социальных взглядах, а именно в философско-метафизических и нравственных представлениях. По итогам пережитой войны для многих русских философов стало очевидным, что жизнь, размышление и борьба – это часто стороны единого существования человека. И насколько они близки к единству, настолько он может понять и развивать дальше свою жизнь. Мышление остается пустым без поступка, а поступок бессмысленным без попытки утвердить свой индивидуальный ценностный мир. А это невозможно сделать без акта борьбы как утверждения собственной независимости против окружающего мира, угрожающего нас поглотить. Отсюда философствовать означает бороться и за свою независимую мысль, и за индивидуальный путь в жизни. Это касается как одиночной личности, так и самого народа. Можно даже сказать, что хорошо способен воевать и отстаивать себя только тот народ, который имеет глубокую, но понятную многим философию.

И все же не менее важным героем книги, помимо русской философии времен серьезных потрясений, является русский взгляд на войну. А война в истории нашего народа занимает двоякое положение. С одной стороны, она всегда приходила внезапно, как стремительный удар судьбы, ломающий жизни миллионов людей. Такая война становится разрывом между привычным, устоявшимся бытом и полем экстремального существования, ежеминутно грозящего смертью. Но с другой, – война в русской истории случалась столь часто, что почти всегда казалась обыденностью. По сути, не было ни одного поколения, которое бы не осознавало, что ему придется пережить свою войну. Здесь уже видна исходная точка диалектического отношения к войне, свойственного русской философии. А если дальше пытаться усмотреть специфический русский взгляд на войну, то требуется сначала указать на отношение к войне в мировой философии. И здесь можно заметить, что не было ни одного крупного философа, не рассуждавшего о войне, но при этом милитаристов среди них случилось не так много. И то – милитаристами философы становились, лишь когда их родные страны вступали в битву. Так, философ-гуманист М. Шелер [Scheler 1916; 1917], автор замечательного произведения о симпатии, во время

Первой мировой написал целых две книги, прославлявших войну и ее роль в немецкой культуре. Но при этом среди философов было также крайне мало пацифистов. Абсолютное большинство из них считали войну интересным для изучения культурным явлением, где люди почему-то готовы рисковать собой и убивать других, хотя обыденная мораль запрещает это делать. Соответственно, войну можно признать важным культурным разломом, где ценности, которыми живут люди, подвергаются духовному суду, а материальное благополучие приносится в жертву ради отстаивания высших святынь. Если же говорить о специфике взгляда русской философии на войну, то следует заметить, что в центре ее внимания был именно человек на войне, а не просто война как особое состояние социума. В этом плане отечественная философия войны одновременно и антропологична, и этична. Война – это личностная драма, требующая от человека принятия сложных решений, осмысления собственной жизни и напряжения всех внутренних сил.

Главная особенность русского взгляда – понимание войны как глубокого парадокса, решить который возможно только личностным волевым усилием, но не обращением к абстрактным принципам. «Парадоксалист» – так назвал свой взгляд на войну Ф. М. Достоевский [1981], с рассуждения о котором начинается книга. Основной парадокс заключается в том, что война – это несомненное зло, несущее гибель людям и разрушения цивилизации. Но на войне совершается много добра, в том числе и жертва собой за других. «Сверхчеловеческая сила ненависти вызывает ответные действия сверхчеловеческой силы любви», – так о парадоксе войны говорит Е. Н. Трубецкой. Более того, самые лучшие и даже возвышенные нравственные качества человек часто проявляет на войне; недаром вся жертвенная, героическая часть культуры всегда была непосредственно связана с войной. А. Ю. Коробов-Латынцев еще сильнее заостряет дилемму: иногда участие в войне – это единственная возможность сохранить себя как нравственное существо, то есть существо, для которого добро – это не абстрактная мечта, а возможность реального действия по изменению мира. Но так случается, что изменить к лучшему этот мир, когда он существует в мире, возможности не так много, ибо мир обычно не призывает себе на службу исключительных, героических качеств, а война призывает.

Осуществить нравственный выбор в пользу войны – это встать на защиту человечности с оружием в руках и утверждать эту человечность даже в самых страшных условиях вооруженного насилия. Чрезвычайно точный итог парадоксальному, диалектическому восприятию войны в русской философии подводит Н. А. Бердяев: «Войну можно принять лишь трагически-страдальчески. Отношение к войне может быть только антиномическое. Это – изживание внутренней тьмы мировой жизни, внутреннего зла, принятие вины и искупления... Мы войну и принимаем и отвергаем. Мы принимаем войну во имя ее отвержения... Принятие войны есть принятие трагического ужаса жизни. И если в войне есть озверение и потеря человеческого облика, то есть в ней и великая любовь, преломленная во тьме» [Бердяев 1990: 172]. Соответственно, мораль, устоявшая на войне в том смысле, что даже там ее носитель смог отличить добро от зла, – это, возможно, есть самая возвышенная мораль.

Тем не менее парадоксальная глубина войны взывает не только к действию, но и к нравственному оправданию этого действия. А оно, если опять же исходить из точки зрения человека на войне, отсылает к проклятому вопросу: чем оправдан воин, сражающийся за спасение отечества, если он готов применять те же средства, что и его противник? Русские философы Серебряного века давали свой ответ, который вкратце можно передать как оправдание через защиту высших святынь, определяющих жизнь человека как нравственного существа, и через решимость самому пострадать за них. При этом надежность оправдания становится очевидной только тем, кто непосредственно находится на линии огня и знает точно, за что он готов отдать свою жизнь. Автор книги, в сущности, и написал ее для того, чтобы найти оправдание для участия в войне современного русского философа, то есть философа нашего времени, и об этом мотиве хочется сказать особо.

А. Ю. Коробов-Латынцев – не просто блестящий исследователь русской военной мысли преимущественно эпохи Первой мировой войны, когда ведущие российские философы встали на духовную защиту своей Родины. Его также можно с полным правом назвать именно философом на войне, ибо он уже несколько лет преподает философию в Донецком военном училище. Философ находится

рядом с фронтом продолжающейся братоубийственной войны, которая едва ли не каждый месяц угрожает перерасти в новую мировую, и если так случится, то независимое бытие русской культуры снова будет поставлено под вопрос. Автор многократно и справедливо упрекает коллег в равнодушии к судьбе соотечественников и судьбе России. Мало кто из современных российских интеллектуалов требовал прекращения этой страшной войны между недавними добрыми соседями. Многим казалось, что все это происходит где-то далеко и не более значимо, чем многочисленные вооруженные конфликты на постсоветском пространстве. И только немногие вспомнили тревожные предсказания некоторых дальновидных радетелей за судьбу России, предупреждавших, что поражение СССР в холодной войне приведет не только к развалу Советской империи, но и, как одно из следствий, – к сокращению пространства русской культуры. Так и произошло: это пространство сегодня стремительно и опасно сокращается. Сначала некоторые страны запретили на своей территории получать образование на русском языке, а теперь мы увидели, как воинствующие националисты в бывших республиках Союза запрещают говорить и даже думать по-русски. Этот культурный геноцид иногда прямо поощряется некоторыми странами Европы, и именно против него восстали русские добровольцы Донбасса и Луганска.

Книга А. Ю. Коробова-Латынцева – одновременно и исследование, и предостережение. Русская философия в ее лучших образцах всегда была мировоззрением мира, добра, веры и просветления. Но при этом в годы тяжелых испытаний она была готова прийти на помощь России, взывая к героическим мотивам родной культуры. Как бы ни были дороги для нее достижения мировой мысли, но русская философия не представляла себя без национального мировоззрения и народной мудрости, из которых духовно вырастала, и именно за них, ради их спасения, готова была надевать одежды воина и вступать в битву. И сейчас нет никакого сомнения, что значение волевого, жертвенного начала, а значит, и ратного дела русской философии, о котором так ярко говорится в книге «Философ и война», будет возрастать.

Литература

- Бердяев Н. А. Судьба России. М. : Советский писатель, 1990.
- Достоевский Ф. М. Парадоксалист / Ф. М. Достоевский // Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 22. Л. : Наука, 1981.
- Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей. М. : Культурная революция, 2005.
- Прилепин З. Взвод. Офицеры и ополченцы русской литературы. М. : Ред. Елены Шубиной: АСТ, 2017.
- Сартр Ж.-П. Дневники странной войны. СПб. : Владимир Даль, 2002.
- Scheler M. Krieg und Aufbau. Leipzig, 1916.
- Scheler M. Der Genius des Kriegs und der Deutsche Krieg. Leipzig, 1917.